

ИЗДАТЕЛЬСТВО
наше завтра
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

В 1980 ГОДУ Элвин Тоффлер нарисовал картинку будущего идеального общества "третьей волны", которым управляют просвещенные технократы. Противоречия между капитализмом и социализмом устранены: от первого остался только дух предприимчивости и свободы, от второго — забота о слабых, пожилых, больных и об общей среде обитания. У власти стоят мудрецы-меритократы, лучше знающие нужды народа, но ширится и прямая демократия. Люди голосуют по важным для них вопросам через всемирную компьютерную сеть, впрочем, общество организовано так, что проблемы решаются ещё до их появления, ибо важное значение придается предсказаниям. Тоффлер делает акцент на том, что не следует путать эту систему с централизованным планированием: в его прекрасном новом мире прогнозы децентрализованы и открыты, он даже вводит такое понятие, как "демократия предвидения".

Города потеряли своё значение, поскольку люди работают из дома: весь мир стал глобальной деревней. Мировые столицы опустели, да и государства, центрами которых они являются, дышат на ладан. Национальные государства распадаются на всё более мелкие обломки, испытывая давление снизу, а сверху их теснят наднациональные образования, которые отвечают за всё более важные решения. Границы исчезают, национальные особенности перемещаются в музеи, глав государств уже никто не воспринимает как значимые фигуры, а народы теряют объединяющие начала и становятся мозаикой меньшинств.

Эра материального процветания, начавшаяся в 1960-е, продолжается без остановок: потребление постоянно растёт, главной проблемой становится: куда девать излишки, и очень скоро уже можно говорить не только об обществе всеобщего благоденствия, но и о мире изобилия. Периодически возникают небольшие проблемы, но они решаются настройкой системы, а не её сломом. Постоянное разрушение и новое рождение, впрочем, испытывают бизнес-процессы, основанные на бурно развивающихся новых технологиях. Негативные стороны капитализма вроде господства крупных корпораций и банков сошли на нет. Деньги вообще утрачивают прежнее значение, на их место приходят знания. Покинув большие города на суше, люди строят их в море и на других планетах.

Этот прогноз, сделанный футурологом в книге "Третья волна", оказался весьма далёк от реальности. Капитализм победил во всемирном масштабе, но после этого позаимствовал не лучшее, а худшие черты социализма. Глобального среднего класса, который диктует политикам их позиции, не случилось, вместо этого ширится разрыв между богатыми и бедными. Сегодня мир в этом отношении выглядит так, как во времена пика второй промышленной революции, времени, когда капитаны индустрии вроде Вандербильтсов перевозили в Штаты целиком английские замки и устраивали сафари, а бастовавших шахтеров расстреливали из пулемётов.

Об обществе изобилия говорить не приходится, рост материального благополучия остановился, если не пошёл вспять: нынешнее молодое поколение в развитых странах почти наверняка будет жить хуже, чем жили их родители.

Те, кто сегодня наверху, отнюдь не проявляют заинтересованности в просвещении, они скорее склонны отнять у немущих то, чего те добились в прошлом. Бесплатное образование и здравоохранение объявлены неэффективными, дело идёт к отмене пенсий, ни о какой заботе и солидарности нет речи, и в отношении к старикам практикуется принцип "спасение утопающих — дело рук самих утопающих".

Большие города стали ещё больше, мест дизайнеров и брокеров на удалёнке для всех не хватает, и люди покидают свои деревни ради низкооплачиваемых работ в мегаполисах. Несмотря на наличие технологий, загрязнение планеты продолжается растущими темпами, монополии сильны как никогда в истории человечества — капитализация компании Apple, например, в августе 2020 года составила 2 триллиона долларов и превзошла годовую ВВП такой страны, как Италия. Границы куда не делись — 2020 год показал, что даже внутри Европы они стали вполне реальными.

Даже технические достижения сегодняшнего дня отнюдь не столь бесспорны, как это выгля-

«НЕОЛЮДИ» И «НЕОБОГИ»

Из новой книги «Человек взломанный»

дело полвека назад: наибольший прогресс виден в системах тотальной слежки за человеком, а морские или космические города по-прежнему кажутся недостижимой мечтой. Самих технократов едва ли можно назвать просвещёнными: на деле, эра Просвещения, вероятно, подошла к концу. Об этом блестяще написал бывший американский госсекретарь Генри Киссинджер в своем эссе "Как заканчивается Просвещение", опубликованном летом 2019 года в журнале The Atlantic.

Общество сегодняшнего дня очень далеко от идеальной картинки, сорок лет назад нарисованной Тоффлером. Однако один его прогноз действительно сбывается, и этот прогноз касается человека.

Футуролог писал: "Можем ли мы создать человека с желудком, как у коровы, переваривающим траву и сено, вследствие чего облегчится решение продовольственной проблемы, поскольку че-

лнённые облаку микро- или даже нано-агенты, под-держивающие те или иные функции.

Понятие "жизнь" в приложении к этим функциям следует применять с осторожностью, ибо функционально обусловленный организм будет представлять собой систему, находящуюся под жёстким контролем, где "живая часть" будет играть всё меньшую роль. Более того, наступит момент, когда она сможет существовать лишь в подчинении "неживой", алгоритмической части, которая будет находиться под внешним контролем, через облако. Большая часть человечества, таким образом, превратится в "облачных неолоидов", на уровне сознания мало чем связанных с тем видом homo sapiens, который известен нам сегодня.

Для "человека разумного" автономный разум — неперемнное условие существования и развития, а для "облачного неочеловека" разум будет алго-

ловек перейдёт на потребление более низких звеньев пищевой цепи? Сможем ли мы биологически изменить рабочих так, чтобы их данные соответствовали требованиям работы, например, создать пилотов с многократно ускоренной реакцией или рабочих на конвейере, нервная система которых будет приспособлена для выполнения монотонного труда? Попытаемся ли мы уничтожить "нищие" народы и создать "суперрасу"? (Гитлер пытался это сделать, но без генетического оружия, которое может скоро выйти из наших лабораторий). Будем ли мы клонировать солдат, чтобы они сражались вместо нас? Будем ли мы использовать генетическое прогнозирование для предупреждения рождения нежизнеспособного младенца? Будем ли мы выращивать для себя запасные органы? Будет ли каждый из нас иметь, так сказать, "банк спасения", полный запасных почек, печени и лёгких?"

Всё то, о чем тогда писал Тоффлер, оказывается возможным. Сегодня вполне можно говорить о перспективах "нового человека", "неочеловека", который превратится в неживую материю с вкраплениями "живого". Дальнейший прогресс нейромедицины и нейробиологии может привести к тому, что доля "белковой части" в общей массе организма будет снижаться, "свои" органы будут заменяться синтетическими. Мешающий такой замене иммунитет, который на бессознательном уровне выполняет роль само-аутентификации организма, может быть ослаблен искусственным образом. Для устранения побочных эффектов, неизбежных при таком ослаблении организма, могут быть призваны также искусственные средства. В итоге целостность организма нарушится, но там и сям по всему организму будут орудовать подчи-

ритмом, любые отклонения от которого будут рассматриваться как болезнь, подлежащая лечению. В сущности, такой человек и будет "философским зомби", о котором писал канадский философ сознания Дэвид Чалмерс. О том, что произойдёт в этой связи с сознанием и такой концепцией, как "свобода воли", пойдёт речь ниже.

Вообще, как будет протекать переход от homo sapiens к виду "неочеловека облачного" — и будет ли такой переход вообще? Ведь с точки зрения эффективности проще создать "неочеловека" заново — точно так же, как проще и дешевле построить совершенно новый высокоэффективный завод, чем ремонтировать и латать старый. В этом случае вид homo sapiens сойдётся как некий источник "запчастей" или информационный пул — в ситуации, если будет принято решение о необходимости внутривидового разнообразия "неочеловека".

Ключевой вопрос состоит в том, кто или что будет принимать подобные важнейшие решения. Будет ли это небольшая группа нынешней элиты или новый класс, который можно условно назвать "необогамии" — в духе книги израильского философа Юваля Харари "Homo Deus: краткая история завтрашнего дня", где речь идёт о людях ближайшего будущего, которые будут обладать невиданным ранее могуществом? Чем тогда "необогии" будут отличаться от "неолоидов" или "нового человека"? Может, это будут две разные расы или даже два разных вида? Винавата ли в их появлении эволюция или речь идёт, как пишет тот же Харари, об автоэволюции, то есть о том, что человек, наконец, взял дело преобразования своей биологической и антропологической сущности в свои руки? А может быть, есть какой-то новый подход, который позволит посмотреть на всё это под совершенно другим углом?

Каждый из этих вопросов рождает другие. На некоторые из них я попробую дать ответ в книге. Как правильно определить новые антропологические сущности — такие, как "неолоиды" и "необогии"? Будет ли преобразование "человека разумного" в эти новые сущности происходить скачком или неизбежны переходные состояния? Как можно определить эти состояния?

Вполне возможно, особого внутривидового разнообразия "хозяевам алгоритма" — если они есть — и не понадобится. Тогда "неолоиды" будут создаваться для выполнения того или иного функционала по ограниченному числу шаблонов. Если произойдёт постэволюционный скачок, трудно будет назвать его результат "новым видом человека", ибо это явно не будет уже человек, и даже не будет уже живое существо.

Впрочем, и здесь технократы могут увидеть — уже увидели — выход в переопределении понятий "живое" и "человек разумный". На слово "разумный" сейчас ведётся серьёзная атака, и неспроста. "Неочеловек" отдаст в обмен на бессмертие или даже обещание бессмертия всё, что в нём остаётся нематериального, откажется от "неоцифруемого", "непостижимого", то есть от недоступной для сохранения, "улучшения" и изменений "души". При этом предполагается, что качественные и количественные характеристики "неолоидов", их способности, будут сильно зависеть от их принадлежности к определённому экономическому и политическому классу, вплоть до генетической передачи определённых свойств представителям тех или иных классов.

В случае, если "хозяевам алгоритма", кто бы под ними не понимался, удастся произвести задуманное, можно будет говорить о самоаннигиляции человечества и смерти человека, о финальной победе Танатоса над Эросом, и результат стоит считать не "следующим человеком", а первой моделью некоего биоэлектрического зомби.

Новое Время—2 рождает абсолютно безжалостные и бесчеловечные, вневременные методы управления. Это родит ещё большее отчуждение мыслящих людей от человеческой расы. Люди, особенно представители "мыслящих классов", будут искать спасения у Искусственного Интеллекта, потому что откаются искать спасение у своих же. Человечество будет разделено больше, чем прежде, и нельзя будет опереться на семью или клан, потому что и то и другое утратит человеческие черты.

Общество при этом может сколь угодно долго сохранять привычный "демократический" фасад, но людям придётся выживать в мире, где слово "свобода" потеряет смысл.

Предопределённость глобальной власти Цифрового Левиафана может внушить чувство безысходности, схожее с тем, что испытывали люди в нацистских концентрационных лагерях. Чтобы не поддаваться этой безысходности, следует взглянуть в глаза фактам и проанализировать тенденции. Каковы будут основные черты "неолоидов" и "необогов" и так ли неизбежно деление homo sapiens на два вида? Какими будут промежуточные этапы в этом постепенном погружении в ад?

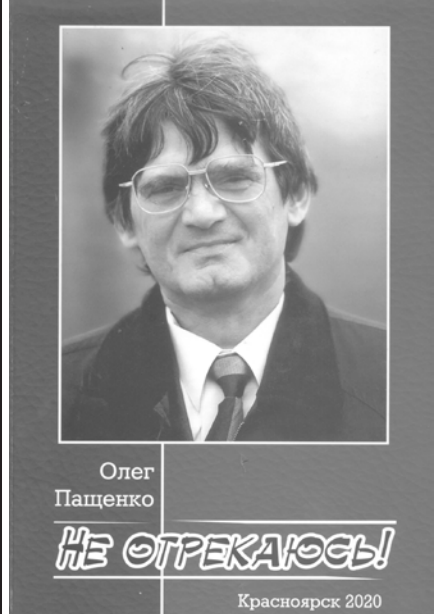
Можно ли, наконец, представить себе движение человечества по совершенно другой траектории — туда, где люди не утратят сознание и сознательность, более того, будут переводить его на более высокий уровень? Можно ли избежать подсподства Цифрового Левиафана или каким-то образом побудит человечество очнуться от сна, внешнего жрецами и технократами, стряхнуть его прах с наших ног? И в этом случае человек также неизбежно будет меняться — поэтому следует говорить о новом человеке. Каковы будут его черты? Что делать сейчас, чтобы такое развитие стало возможным?

Чтобы в этом разобраться, давайте пристально посмотрим на то, что сегодня происходит с наукой, ибо без неё, без нового Просвещения, нельзя сделать ничего. И если мы увидим трагическую картину упадка когда-то мощной человеческой способности, то тем более нам следует бесстрастно посмотреть реальности в глаза — ибо только так мы сможем осознать ситуацию и понять, какое из горьких лекарств может её исправить.

Игорь ШНУРЕНКО

Книги Игоря ШНУРЕНКО
можно приобрести в "День-магазине":
+7 (499) 350-17-79, pochta@den-magazin.ru

ЖИТЬ, НЕ БОЯТЬСЯ И ВЕРИТЬ

«Избранное» главного редактора
«Красноярской газеты» Олега Пащенко

Но когда жизнь в стране пошла "по лжи", цветамия расцвела демократия, Олег Пащенко в августе 1990 года выступает в газете "Красноярский рабочий" со статьёй "Всё покроется любовью", где резко критикует демократов.

"За это шельмовали меня, угрожали, высмеивали... К февралю 1991 года вместе с Красноярским горкомом КПСС пришёл к решению создать патриотическую "Красноярскую газету", которая 28 февраля вышла с красной шапкой: "Я люблю Родину. Я очень люблю Родину!" По направлению и содержанию наша газета была и остаётся сродни газетам "День" и "Завтра" Александра Проханова".

И с тех пор уже тридцать лет Олег Анатольевич — главный редактор настоящей народной газеты. Той, что пишет о народе, для народа, во имя народа. Той, в которой читатель — полноправный участник создания газеты, её автор.

"Олег Пащенко был и остаётся горячо любящим славное прошлое — Советский Союз, сожалеющим о почти утерянных человеческих ценностях — справедливости, душевности, доброте, страдающим и переживающим за то, что произошло и происходит с Россией. Его главное желание — вернуть всё самое ценное, что было в Советском Союзе", — для аннотации любой книги выбирается главное в её идее, её содержании. И каждый факт биографии, каждая его работа, будь то очерк, статья, повесть, интервью (а их в книге — сотни), подтверждают, что сказанное об Олеге Анатольевиче — не просто слова.

Характеризуя книгу, обычно об иллюстративном ряде говорят в конце. Но в этом издании очень символическое фото Олега Пащенко предворает собственно статьи: он — во весь рост — открывает дверь, впуска читателя в свой мир, в свой дом. Вообще, глядя на фотографии, думаешь, что Пащенко знает полимира и политику знает Пащенко. Он — с деятелями культуры, политиками, учёными, с друзьями, читателями. Семейные фото: детство, отрочество, юность, зрелые годы, родные и близкие. Работа, общественные мероприятия, досуг...

Книга делится на три части — три десятилетия после предательского разгрома СССР Раздел, охватывающий 1990-2000 годы, называется "Здравствуйте!" Первая статья цикла — "О создании оппозицион-

ной газеты". Надо отметить, что в книгу включены и работы других авторов. Так, В.В. Никуленков в данной статье рассказывает, как появилась "Красноярская газета". Пока растерянные, потерявшие Родину — СССР — люди не знали, что делать, металсь и унывали, Олег Пащенко создал орган сопротивления. И тут же дал интервью "Жить, не бояться и верить", стремясь подавить упаднические настроения и страх людей перед всем и всеми. Вообще на протяжении этих тридцати лет, что отражены в книге, Пащенко даёт много интервью на самые разные темы, то есть он интересен и краевым СМИ, и центральным, потому что у него ясная позиция, он предлагает методы и способы решения проблем, независимым в суждениях.

Раздел 2001—2010 "За веру и добро. Второе десятилетие". 2010—2020 "Вперёд, вперёд! Третье десятилетие". Работники СМИ знают, насколько важно дать материалу название, чтобы и привлечь внимание к тексту, и отразить в паре слов содержание. "Порядок в России будет!", "Слава русскому оружию!", "Мы всегда должны помнить, какого мы роду-племени", "Я — русский коммунист. Достоинства не теряю", "Блеф губернатора и тоска бедноты", "В ожидании вояжа", "Героическое выше подлого", "Обиды мешают делу делать", "Время гибких и липких", "Винтик в ответе за машину", "Политиканство искажает историю", "Два низких действия: деление и вычитание", "Остановили поезд. И грабят" — названия порой не просто говорящие, а готовые метафоры.

И в столь непростые времена в работах самого Пащенко и авторов его газеты, его единомышленников — никакой паники, никакого поражения: "Мы радуемся, песня ещё не спета", "Нас много. Мы победим!", "Не дадим им спрятать концы в воду".

На юбилей Олега Анатольевича, на юбилей газеты откликнулись его именитые друзья и коллеги, государственные деятели, читатели, а также общественные организации, в которых работает, которым помогал и помогает Олег Пащенко печатным словом и журналистскими, депутатским делом. Все они назвали такие "особые" слова, что, перефразируя классика, можно сказать: "Читайте, завидуйте, я — Олег Пащенко".

Екатерина ГЛУШИК

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ — страна необычная. В ней широко известны альтернативные истории, пропагандисты и другие персонажи, но мало кто знает неформатных, не вписывающихся в привычные воззрения людей из самых различных сфер жизни. Казалось бы, судьба Олега Валецкого содержит в себе всё необходимое для широкой, как это сегодня принято говорить, "раскрутки" автора, привлечения внимания читающей публики к его произведениям.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Новая книга Олега Валецкого
«О рунах и древних цивилизациях»

Именно подобного рода люди составляют желанную добычу книгоиздателей по всему миру. Именно их книги становятся бестселлерами. Однако не в нашем Отечестве.

Олег Валецкий — человек поистине уникальный. Профессиональный, едва ли не хрестоматийный, "солдат удачи" или, как их ещё называли на Западе, "дикий гусь". Он прошёл горячие точки Приднестровья, бывшей Югославии, конфликтных зон Ближнего Востока и других неспокойных территорий. В соавторстве с И.Коноваловым О.Валецкий написал первую в России книгу о

частных военных компаниях. Ему также принадлежит наиболее полное описание и осмысление на русском, а возможно и не только, языке опыта войны в бывшей Югославии, а также особенностей ведения боевых действий в городских условиях.

Однако Валецкий не замыкается на военной тематике. Везде, куда его забрасывала судьба, он живо интересовался историей, антропологией, археологией и другими областями знаний, связанными с историей рода человеческого. Поразительным образом исторические изыскания Олега Валецкого были и остаются не просто исследовательской работой в комфортных условиях перед компьютером, а осмыслением истории, которое автор осуществляет в ходе несения службы, связанной с едва ли не наиболее экстремальной, одновременно мирной и военной профессией — разминированием.

Недавно в рамках издательской программы Института системно-стратегического анализа А.Фурсова издательство КМК опубликовало книгу "О рунах и древних цивилизациях". Без преувеличения это — одна из наиболее интересных и необычных книг последнего времени. Несмотря на то (а возможно, благодаря тому), что её объём лишь немногим превышает 100 страниц, текст представляет собой интеллектуальный гуслик принципально новых археологических, лингвистических, исторических фактов и сведений, дополненных и подтверждённых данными ДНК-генеалогии. Книга читается как динамичный детектив. Поэтому не буду раскрывать суть, а расскажу лишь о предмете. Автору и его сербским друзьям удалось собрать наиболее полную на сегодняшний день коллекцию фактов о древнейших цивилизациях на территории Европы, располагавшихся на Южных Балканах. Речь идёт прежде всего о цивилизации Винча, а также о народах и племенах, порождённых этой цивилизацией или испытавших её сильное влияние.

Искренне рекомендую по-мужски конденсированную, без воды и исторической пропаганды, книгу Олега Валецкого "О рунах и древних цивилизациях".

Елена ЛАРИНА

Андрей БЫЧКОВ

ПЦ
ПОСТМОДЕРНИЗМУ

ЛИТЕРАТУРНОЕ БЮРО
НАТАЛЬИ РУБАНОВОЙ

КАПИТАЛИЗМ ВЫЖИГАЕТ ВСЁ

Сборник
Андрея Бычкова
«... постмодернизму»

ИЗДАТЕЛЬСТВО "РИДЕРО" не так давно порадовало ценителей русской литературы переизданием ранних произведений Андрея Бычкова. Книга содержит роман "Графоман" и ряд ранних рассказов.

Как никто иной в современной русской литературе, Бычков способен передавать ледяное бесстрастие окружающего мира, индивидуальную экзистенцию на грани прорыва глубинного крика внутреннего отчаяния...

Роман "Графоман" называли первым антикапиталистическим литературным произведением постсоветской России. В своё время это произведение вызвало в литературных кругах нешуточный скандал. Андрей Бычков уловил и отобразил в своем произведении истину: капитализм приносит не только закон джунглей, он выкидывает всё, даже антигуманные формы духовной деятельности, оставляя лишь пепелище и пустоту.

Главный герой романа мучим осознанием того, что его творчество и не творчество вовсе, а примитивная игра. Смысл произведения — раскрытие через внутреннюю коллизии героя примитивности и пустоты "нового русского искусства", подмывающего под себя всё и вся.

"Графоман" — манифест протеста против наступления даже не антикультуры, это было бы, по крайней мере, понятно, а а-культуры, против которой восстает главный герой романа: "Господи, Боже, прости его, грешника, приготовь для него казнь очищающую, сожги его помыслы сейчас, пока он одевается, пока еще не успел выйти на улицу, чтобы разбрасывать семена дьявола, сеять зубы дракона, сеять ветер, сеять бурю. Чего он хочет? И кто говорит через его смрадные уста? Сколько их — бесов? Что он задумал, и есть ли у него угрызения совести?"

На фоне порождённого перестроечной оргией поклонения зелёно-бумажному телцу воцарения "пригововы-рубинштейнов", Бычков сумел сказать в своём романе, что не "короли голые", а "королей нет". Мало что в начале девяностых обладал таким даром прозревания. Теперь, с позиции тридцатилетней дистанции, стало окончательной видно, что постмодернистский карнавал "нового искусства" был лишь феерией убожества, ярмаркой пустоты, давшей в итоге лишь вытоптанное поле, покрытое сором. Онтологическая беда творчества, — или всё-таки "творчества"? — "пригововы" и им подобных — отсутствие экзистенциальной глубины. Невозможно быть вторцом в мире, ограниченном физиологией и вещным бытом. Религиозный вешизм и убогий гедонизм не дают, и не могут дать в принципе, сакральной наполненности бытия.

В начале девяностых наступление постмодерна воспринималось как "свежий ветер". Никто не мог предположить, что всё обернется испусканием литературных газов.

В рассказе "... постмодернизму" как никому иному Андрею Бычкову удалось изобразить тип позднесоветского "творца нового искусства", по сути лишь нарциссично-убогого гипербоветателя, над которым и глумиться грешно...

Восьмидесятые-девяностые нынешнему времени не дали практически ничего, гениальный Мирослав Немиров стоит памятником самому себе на отшибе нынешнего выжженного литературного поля, Пелевин благополучно обитает в крепко выстроенной башне с покрытием "под слоноподую кость" и лишь Андрей Бычков, подхвативший знамя Мамлеева, доводит до читателя отчаянно-грустные послания русского духовного космоса.

Писатели, работающие в русле классической традиции, к примеру, Шаргунов и Шишкин, слава Богу, остались. А вот на поле авангарда и экспериментов зияет пустота. Андрей Бычков, пожалуй, единственный, кто, сохраняя русское творческое начало, способен полноценно играть на поле литературного авангарда. Его проза, при всей отсылочной к Набокову и Бунину стилистической выверенности, вполне вписывается в современные каноны.

Проза Бычкова, как говорил Юрий Мамлеев, "органично русская", она органично сочетает в себе русскость с авангардом и модернизмом. Его экзистенциальная направленность выходит не только за грани обыденности, она устремлена в трансцендентальную пучину. В сборнике это, возможно, чувствуется не столь ярко, нежели в поздних произведениях Бычкова, роман и рассказы раннего периода более тяготеют к реализму, но всё же "крик извечной боли" в них отчетливо слышен.

Попытка вырваться из состояния экзистенциальной заброшенности в дальнейшем привела творчество Андрея Бычкова к "вечному Востоку", с индустскими и буддистскими векторами духовной ориентации. Выдающийся роман "Диплендра" будет потом, а тогда, в начале девяностых, ориенталистский мотив только проявлялся. Рассказ "Люди на земле" по мироощущению откровенно индустский, но и ограниченно европейско-русский, раскрывающий тему явного или мнимого духовного освобождения нынешнего урбанистического индивида.

Юрий СОШИН